

2. Лемяскина, Н. Е. Возможные варианты реформы Апелляционного органа Всемирной торговой организации / Н. Е. Лемяскина // Право и политика. – 2016. – № 3. – С. 373–379.

3. Lenaerts, K. EU Procedural Law / K. Lenaerts, I. Maselis, K. Gutman. – New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. – 1056 p.

4. Ehlermann, C.-D. The workload of the WTO Appellate Body: problems and remedies / C.-D. Ehlermann // J. of intern. econ. law. – 2017. – Vol. 20, № 3. – P. 705–734.

5. Text for LDC proposal on DSU negotiations [Electronic resource] : issued by the Permanent Mission of Haiti on behalf of the LDC Group (TN/DS/W/37) // World Trade Organization. – Mode of access: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S001.aspx. – Date of access: 07.04.2019.

6. Communication from the European Union, China, Canada, India etc. [Electronic resource] : issued by the WTO Members (TN/DS/W/37) // World Trade Organization. – Mode of access: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S001.aspx. – Date of access: 07.04.2019.

Проблемы смешения понятий «наименование места происхождения товара» и «географическое указание» в Республике Беларусь

*Кузьменкова М. В., студ. IV к. ГрГУ им Я. Купалы,
науч. рук. Кудель Д. А., ст. преп.*

В статье рассматриваются определения «географическое указание», «наименование места происхождения товара», закрепленные в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – Кодекс) [1], с точки зрения их различий между собой, так как проблема их смешения наличествует в доктрине гражданского права. Авторы множества статей трактуют рассматриваемые данные понятия по-разному, сходясь в своих рассуждениях к одному – проблема существует и требует своего разрешения.

Кодекс содержит термин «географическое указание», подразумевая под ним «обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории страны либо из региона или местности на этой территории, где определенные качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением» [1], и гласит, что оно включает и наименование места происхождения товара, и указание происхождения товара.

То есть, следуя логике законодателя, географическое указание служит для идентификации (выделения) товара на рынке среди прочих как произведенный на территории определенной страны и обладающий уникальностью

ми свойствами, которые получает именно из-за происхождения на данной местности, а наименование места происхождения товара есть наименование самого географического объекта, где данный товар произведен и которое используется на товаре как его наименование, по которому его идентифицирует потребитель, причем указывается на то, что именно наименованию места происхождения товара предоставляется правовая охрана посредством государственной регистрации, а не географическому указанию.

Указание происхождения товара, в свою очередь, есть указание на то место, где произведен товар. Отличие его от предыдущих терминов состоит в том, что отсутствует индивидуализирующее свойство указания, т.к. относясь к интеллектуальной собственности, а тем более к средствам индивидуализации, все объекты должны индивидуализировать товар как произведенный определенным производителем в конкретном регионе, выпускаемый под определенным названием, что значит выделить среди множества однородной продукции, наделить только ему присущими свойствами. Указание происхождения товара, на наш взгляд, не обладает способностью индивидуализации товара, т.к. на любой продукции указывается страна-изготовитель, и, как правило, оно может повторяться в силу того, что на одной территории может производиться множество товаров разных производителей, маркируемых информацией о стране-производителе, и здесь неминуемо повторение, что не является заимствованием.

Как предполагается, законодатель просто объединил в одной статье схожие понятия, чтобы дать трактовку каждому из них, пресекая возможные разногласия на корню, однако возникает вопрос о включении им понятия «указание происхождения товара» в средства индивидуализации, не являющегося таковым.

Целесообразнее было бы оставить определения понятий лишь в Законе Республики Беларусь «О географических указаниях» [1], тем более что ст. 1024 Кодекса и ст. 1 Закона дублируются.

Выделим основные проблемы с точки зрения признаков географического указания (далее – указание) и наименования места происхождения товара (далее – наименование) по законодательству Республики Беларусь.

Так, указание рассматривается как ключевой объект, включающий и наименование, и указание происхождения товара, однако правовая охрана предоставляется только наименованию. Указание представляет именно произведенный товар, обозначенный как произведенный на той или иной территории, в то время как наименование есть наименование самого географического объекта, имеющего уникальные свойства, которые переносятся на товар, произведенный на данной местности. Общим здесь является лишь свойство индивидуализации, как критерий, относящий оба понятия к средствам индивидуализации.

Таким образом, географическое указание тяжело назвать средством индивидуализации, в то время как именно наименование места происхождения товара является таковым в силу наличия у него свойств, присущих всем средствам индивидуализации. Следовательно, для разрешения коллизии понятий, связанных с индивидуализацией товаров, обладающих уникальными свойствами географического объекта, на территории которого он произведен, требуется пересмотр законодательства Республики Беларусь о географических указаниях в части уточнения понятийного аппарата, что будет способствовать более полной регламентации рассматриваемого вопроса.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О географических указаниях : Закон Республики Беларусь, 17 июля 2002 г., №127-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 9 июля 2012 г. № 389-З // Нац.-прав. Интернет-портал Республики Беларусь. – 2019.

Attribution of conduct of private entities to states: fragmentation of international law

*Логвинович Е. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Дейкало Е. А., канд. юр. наук, доц., Макаревич И. И., ст. преп.*

The fragmentation of international law reflects the rapid expansion of international legal activity into various new fields and the diversification of its objects and techniques. Fragmentation is accompanied by the emergence of specialized and relatively autonomous rules and legal institutions [1]. What once appeared to be governed by “general international law” has become the field of operation for such specialist systems as “trade law”, “human rights law”, “environmental law”, “European law” and others.

Regarding the rules on attribution of conduct of private entities to states, we can observe that the International Court of Justice (ICJ), as well as specialized international tribunals, has elaborated on various tests with regard to attribution of conduct, applying the same customary rules, reflected in Articles on States’ Responsibility. The question is whether this phenomenon can be qualified as fragmentation and, if yes, what legal challenges it poses.

In the *Nicaragua* case (1986) ICJ found that the United States had not been held responsible for the acts of the Nicaraguan contras merely on account of